

Анна Михалевская

Свадьба католиков и гугенотов

Отрывок из романа «Три стороны монеты»

1.

Генрих Наваррский и Маргарита де Валуа преклоняют колена на помосте перед Нотр-Дам-де-Пари. Гугеноту Генриху не позволено заходить в католический собор. Да что говорить, Екатерина Медичи так и не получила у папы римского разрешение на венчание.

Кардинал Бурбон ждет. Маргарита медлит и все не говорит свое «да». Карл IX толкает ее в спину: брату не терпится. Будущая королева пошатывается и невольно кивает.

Люс переминается с ноги на ногу в толпе зевает.

Свое новое имя он получил, еще когда мост Менял назывался Королевским, а Большой Шатле не портил вид на правый берег. «Будешь Люсом», – сказал разговорчивый паромщик, переправляя его через Сену. Тот никак не мог запомнить странное имя «Лукас».

Толпа внизу наблюдает, как идут по помосту новобрачные, а за ними и весь двор. Деревянные настилы тянутся от дворца епископа до Нотр-Дам-де-Пари: они украшены золоченым сукном – так положено, когда выходят замуж дочери Франции. У Маргариты блеклые рыжеватые волосы и длинный загнутый, как у птицы, нос. Люс не находит ее привлекательной. Только взгляд удивляет – умный, пронизательный. Из-за него, вероятно, все зовут Марго красавицей. Попробуй под таким взглядом иначе. Но сегодня Маргарита сверкает с головы до пят. И накидка из горносталя, и парчовый голубой плащ, шлейф которого несут

три принцессы, и корона в драгоценных камнях – все придает ей холодный уверенный свет. А у Антонии был теплый. Ни одна королева так теперь не согреть.

Мужчины надели свои лучшие шляпы, женщины – в накрахмаленных передниках и белоснежных чепцах. Люс же в простом камзоле: в нем и на службу ходит, и на торжества. Шпага тоже без изысков, в руку удобно ложится – и хорошо. Пальцы в помарках от чернил он смыкает за спиной. Чтобы без лишних расспросов.

Он сторонится людей, но старается быть осведомленным. Все равно умирать – так надо понимать, за что.

Люс все еще считает своей родиной Афины, но в Париже он прожил неизмеримо дольше. Ему бы впору возненавидеть этот город – столько раз выпускал дух на его улицах. Но, странное дело, Люс любит Париж. Он помнит еще Лютетию. И оборонительную Луврскую башню, которая преобразилась в нарядный королевский дворец.

Вдохновленные парижане заново придумывают свою историю. В мясных лавках, у башмачника, у булочника и даже во время прогулки по мосту незнакомцы хватают Люса за пуговицу камзола, отводят в сторону и рассказывают:

– А вы знаете, почтенный, что Париж основали троянцы?

– Вот как?! – совершенно естественно удивляется Люс.

– Да, да. Парис, значит, как украл Елену, думает, тык-мык, куда ж ему деваться. И в наши края. Можно сказать, вторую Троию воздвиг! Но назвал уже в честь себя – городом Париса! И правильно! Трои давненько нет, а Париж стоит, и что ему сделается...

Люс неопределенно кивает. И вспоминает, как долго римляне расчищали леса, чтобы проложить здесь первую дорогу. Чтобы усмирить галлов и сделать их своими союзниками. Чтобы принести в Лютетию торговлю и ремесла. Ленивый Парис, все победы которого – прихоть обиженных богов, и основатель? Вряд ли.

– Не слушайте их, добрый господин, – говорит старый шарманщик, едва Люс успевает пересечь мост Нотр-Дам.

– А кого мне слушать? – удивляется Люс.

– Меня! – уверенно заявляет шарманщик. – Так вот, про потоп знаете? Не знаете, наверное, но он был. Вселенский. А Париж был еще раньше. И основал его Иафет, сын Ноя!

Люс не раз переписывал Библию в монастырях, историю Ноева ковчега – в том числе. Но это слишком далеко, дальше, чем Троя. Если Иафет и основал Париж после потопа, то про город эдак на три тысячи лет снова забыли.

Но парижан не переспоришь. А он и не пытается. Не его забота.

Люс служит клерком при государственном секретаре господине Филиппе де Гиле. Секретарь по делам королевского двора и протестантов – ни много ни мало! Иногда господин Филипп отправляет его с поручениями в канцелярию Лувра. Люс внимательно читает все бумаги. Ищет. Не может не искать ее след.

Заходит в книжные лавки. Теперь в Париже это может позволить себе почти каждый. А откуда бы взялись бесчисленные теории происхождения города? В лавках есть все: рыцарские романы, поэмы о короле Артуре и стихи Вийона, книги по этикету, описания королевских церемониалов. Даже печатные карты Парижа – и надо иметь особую удачу, чтобы не заблудиться по ним окончательно.

Однажды Люс находит там «Илиаду». Хозяин благосклонен – дает полистать. И он уже лезет в карман – расплатиться и забрать книгу. Но вспоминает Александра, потом Нерона. И отказывается. Хватит того, что до сих пор может цитировать Гомера наизусть. Он не император, не царь. Имущество не унесет с собой в лучшие миры. Да и сам туда вот уже сколько столетий никак не попадет.

А Париж преобразился. Мощные набережные. И света гораздо больше, чем пять веков назад: Франциск I в свое время запретил делать крыши с выступающими и нависающими карнизами. А на ночь, чтобы освещать город, в каждом окне приказано зажигать свечу. Париж убирают и чистят – что же, зря теперь достопочтенные горожане платят налог на грязь? Знати запретили одеваться не по моде, на каждом углу магазины. Сегодня по дороге на торжество он насчитал дюжину только с перьями для шляп!

Ни в одну эпоху Люс не видел столько людей на улицах какого-либо города. На ярмарке Сен-Жермен ему кажется, что к ним съехался весь мир. Может, так оно и есть.

Но и блистательный Париж охватила лихорадка религиозных войн. С короткими передышками католики и гугеноты уже больше десяти лет ревностно поджаривают друг друга на кострах.

Он здесь с прошлой весны, но все равно знает. Должность клерка при секретаре дает много привилегий – например, возможность исследовать документы минувших времен. И еще – слушать и наблюдать за происходящим в коридорах дворца. Чем он и занимается.

Люс смотрит на молодую чету: Генрих и Маргарита. По всему видно – они чужие друг другу. Обоим по девятнадцать. Маргарита больше печется о своих любовных интригах, чем о государственных. Генрих носит траур, хоть для свадьбы ему пошили наряд из палевого шелка с серебряной нитью. Его мать, ярая гугенотка Жанна д'Альбре, скоропостижно скончалась, едва Наваррский и его свита прибыли в Париж пару месяцев назад. Туберкулез, объявила королева. Яд, говорят все остальные. Зная Екатерину Медичи и ее любимое средство от всего, нетрудно догадаться, кто мог подмешать Жанне яд в суп из куропаток или в жаркое из ястреба.

И все же – два года назад в Сен-Жермен-ан-Ле был подписан мирный договор между гугенотами и католиками. И дабы подкрепить Сен-Жерменский мир, д'Альбре сама согласилась на этот брак.

Договор договором, но у простого люда свое мнение. По правде сказать, парижане не любят гугенотов. И есть за что. Символическая казнь статуи Святой Девы – гугеноты Лиможа водрузили ее голову на позорный столб. В Труа на шею Святой Девы повесили дохлую кошку и облили помоями. А Ним чего стоит! За одну ночь там убили около сотни католических священников, а тела сбросили в колодец. Адмиралу Колиньи и Кальвину самолично пришлось утихомирить своих рьяных последователей. Жестокость рождает жестокость и сама себе кусает хвост.

Парижане никак не возьмут в толк – зачем уничтожать величественные соборы, где солнце так красиво бросает лучи сквозь витражные окна, где стены украшены фресками великих мастеров, где все понятно: ходи на мессу, веруй во Всевышнего – и проживешь как праведник? Ну по крайней мере умрешь им... Ладно, пусть глупцы сидят по своим каморкам и не видят всей этой красоты. Но жечь?! Ни разу в жизни не приобщиться к таинству святого причастия – кощунство! Не преклонить голову перед папой римским? Надругательство.

Свадебная процессия входит в собор, место Генриха Наваррского занимает принц Анжуйский. Любимчик Екатерины, младший сын, готов на что угодно, лишь бы остаться в центре внимания. Он носит по несколько серег в одном ухе, его ток украшен перьями и тридцатью жемчужинами. Было дело, Анжуйский истово исповедовал протестантизм – до того, что пел гугенотские гимны и пытался разбить статую Святого Павла. Наверняка в пику насквозь католическому королевскому двору.

Пока жена-католичка на мессе, Генрих Наваррский и адмирал Колиньи прогуливаются по помосту. Исподтишка поглядывают на толпу парижан, окружившую их со всех сторон, посмеиваются и о чем-то переговариваются. Люс не слышит слов, но уверен, те отпускают шуточки в адрес католиков.

И все же люди настроены благодушно. Молодая королева выходит замуж – настоящий праздник! Но Люс хорошо помнит, как быстро меняется настроение толпы.

Надолго ли ты здесь удержишься, Генрих, если не перестанешь смеяться над местными нравами?

Вспоминается Македонский. Люс всегда сравнивает с ним, с первым великим полководцем на его пути. Короли стали больше хитрить. И меньше убивать своими руками. Они не умеют уважать врагов. Не знают, что такое настоящая щедрость. И при всем этикете людей гибнет не меньше. А может, и больше.

Однако он слишком строго судит Наваррского. В юноше что-то есть. Насмешливый умный взгляд. В движениях читается решительность и простота. Говорят, он славно сражался в битве при Арне-ле-Дюк. Единственная, которую пока выиграл.

Церемония подходит к концу, новоявленные король и королева снова вместе. Им предстоит свадебный пир в епископском дворце. Зевакам – народные гуляния. Ему – работа.

Пробираясь из Сите к своему скромному жилищу, он не может избавиться от наваждения. Эмер, девочки, храм Марса, изумруд на фибуле. И еще одного, слоем ниже: горящий Рим, удушливая толпа, Антония и тоже девочка, и тоже фибула. Рука и корзинка. Аромат винограда и яблок. Женщина в греческой тунике. И запах тины, который тянется за ним из жизни в жизнь.

Люс отирает с лица пот, широкие поля шляпы не спасают от солнца. Полуденный зной выжигает все, и тогда проступает почти истлевшее. В его карманах до сих пор нет монет с ликом Медузы. Сейчас запах тины совершенно естественный – так пахнут заводи Сены выше по реке. Но ведь никто не знает, когда он снова почувствует легкое прикосновение к своему плечу, тяжесть в карманах. И зов, которому не сможет сопротивляться.

Мост Нотр-Дам недавно отстроили в камне. Новенькие дома пронумерованы – четные с одной стороны, нечетные с другой, всего шестьдесят четыре, внизу лавки. Сюда ходят служанки состоятельных господ – снедь лучшего качества и самая вкусная.

Набережная. У причалов качаются на тихой воде лодки. На Сене оживленное движение – до мостов бывает идти далеко, а паромщики всегда наготове. Даже коров выпасать на остров Бюсси возят.

Справа осталась Гревская площадь, но и сюда долетают выкрики портового люда. Люсу в другую сторону. Он огибает нависающую громаду Большого Шатле. Привычно находит взглядом башни Лувра, продолговатый флигель Бурбонского дворца по соседству.

Лувр теперь обустроен, не в пример прошлым векам. Но самые большие торжества намечены в Епископском дворце. По слухам, которые дворцовая челядь разносит последнюю неделю, дворец не узнать.

– Вы бы видели, господин Люс! Там настоящие горы!

– Где?

– Прямоком в зале для торжеств!

– Точно настоящие?

– А то! Из настоящего дерева! Сам доски сбивал! И послушайте, на них... эти сидят, один с трезубцем, другая с арбалетом!

– Посейдон и Артемида, значит. Боги.

– И твари по стенам – жуть! Голова вот как у нас с вами, тело огромной кошки, а хвост – змеиный!

– Наши головы я бы не стал объединять. А в остальном – все понятно. Типичная мантикора.

Судя по впечатлениям придворного мастерового, гуляние обещает быть бурным.

Не доходя до Лувра, он сворачивает к рынку Шампо. У рынка странное соседство: с одной стороны церковь Святого Юстаса, с другой – кладбище Невинных. Почему-то парижане считают, что земля на кладбище особенная и съедает труп за девять дней. Поэтому хоронят много и часто. Кладбище пользуется спросом и у живых – здесь охотно назначают встречи и даже свидания. Люс старомоден: для встреч он предпочитает обычные улицы.

То ли дело рынок Шампо! Крытая деревянная галерея кажется бесконечно длинной. Здесь продают ткани и кожу, вино и овощи, приправы и цветы, пшеницу, свежую и засоленную свинину, масло и всю хозяйственную утварь, включая веревки для колодцев и кухонные котлы. Для каждого товара – отдельный заставленный прилавками зал.

Люс углубляется в улочки по направлению к воротам Монмартра. Когда-то на холме Монмартр стоял храм Марса. Да, тот самый, мимо которого он вел своих подопечных.

Он считает все прожитые годы и никак не может сосчитать. Только десять лет походов с Александром. А были еще Сиракузы. И Рим. И Сите, когда Париж только стал Парижем. И крестовые походы. Ему должно быть не меньше четырех десятков, а то и больше. К этому возрасту у парижан уже почти нет зубов, их мучит подагра, они жалуются на пищеварение и вообще готовятся к жизни вечной. Но его отражение в начищенном до блеска медном тазу не похоже на сорокалетнего. Волосы до сих пор иссиня-черные, без седины. Зубы на месте. Одна глубокая морщина залегла между бровями. Только одна. Разве что взгляд тяжелый, и он старается не смотреть людям в глаза.

Размышляя и вспоминая, Люс доходит до своего невзрачного домика с крошечным садом. Большого и не нужно. На первом этаже только и хватает места, чтобы повесить шляпу да спрятать сундук в нише под лестницей. Сундук до половины наполнен чужими вещами; сверху Люс положил свои, их совсем немного. Напротив лестницы еще одна комната на замке. На втором этаже кухня, которая сразу обогревает спальню и кабинет. Третий – почти пустая комната, если не считать стола и парочки стульев.

Жилище простое, но для Люса – роскошь. А все благодаря господину Филиппу. Они столкнулись в той самой лавке на мосту

Нотр-Дам – Люс листал «Илиаду» и негромко читал поэму, вспоминая родной язык. Так его и заметил господин де Гиль. Пригласил в свой дом, отвел место в кабинете с двумя другими клерками и завалил поручениями. Государственный секретарь сходу сопоставил способности Люса и свою выгоду. Подбросил заказ от королевы-матери, и Люс перевел пару Аристотелевых трактатов. Письменный французский у него, ясное дело, остался архаичным. Но королеву это даже позабавило. Она спросила значение нескольких вышедших из обихода слов. Люс ответил, и секретарь блеснул знаниями. А потом велел слугам проводить его в новое жилье. Кому принадлежал дом и как достался секретарю, Люс не допытывался. Возможно, здесь доживала дни чья-то опальная любовница. Или тайно взрослел отпрыск известного дома. Или переписывал листовки гугенот, которого выжили соседи-католики.

Поднявшись на второй этаж, Люс проходит в кабинет, снимает камзол, вешает на спинку стула. Садится за стол и придвигает к себе стопку рукописей, писем, записок, есть даже свитки. Теперь вместе с золотом он прячет в тайники для следующих жизней еще одну драгоценность – знания.

Люди, которые разносят монеты, не могут остаться незаметными, где-то да наследят. А значит, должны быть свидетельства. Вот он и ищет.

Господин Филипп не только умеет оценивать сильные стороны, но и чувствует слабости. Вот как, Люс интересуется военными летописями? Ищет родственников по матери? Недавно умершей? Ах, несчастье. Прямо как у молодого короля. Думаю, вам можно помочь. Что скажете насчет протоколов допросов католиков и гугенотов от 1562 до 1570, Люс? В архивах, конечно же, таких нет. Кто ж по доброй воле свои тайны – и на всеобщее обозрение. Что вы будете должны? Потом сочтемся, милейший.

Неблагодарное дело – оставлять долги на будущее, которого может и не быть. Он бы расплатился сейчас: кое-какие сбережения остались. Но Люс вспоминает добротный просторный кабинет господина де Гиля, разбитый перед домом парк в итальянском стиле, вышитый золотом камзол. Господину Филиппу не нужны жалкие экю Люса.

Поспешно развязывая перетянутый грубой ниткой сверток, он раскладывает бумаги перед собой на столе. С чего начать? Антония – католичка? Гугенотка? Сколько ей лет? Откуда он вообще знает, что она не умерла? Даже если умерла, должны быть потомки. И все же... пора честно признаться: нет никаких зацепок, чтобы в тысячах лет найти одну женщину. Что ж, предположим, женщину не найти. Но есть фибула с изумрудами. Монеты, которые раздавала Эмер. Старик с бородой до пояса, любитель требовать долги.

Среди вороха однообразных диалогов – а он и не представлял, как скучны бывают допросы, – Люс находит кое-что интересное.

– Отрекись от своих заблуждений. Ради своих детей. Тебе всего-то надо, что посещать мессы...

Судя по тону, который чувствуется за фразами писаря, допрашивающий устал и хочет домой.

– Нет. Каков же будет пример для моих детей, если их отец откажется от себя!

– Твои дети этот пример могут не увидеть... Где вы собираетесь и совершаете свои богопротивные ритуалы?

– Я честный человек. А вы – будьте прокляты!

Допрашиваемый плюет в лицо.

– На костер. Завтра же.

Дальше в протоколах сказано, что при допрашиваемом нашли монету необычного вида. Писарь был настолько дотошным, что оставил пометку.

Говорит со странным акцентом. Старофранцузский, вставляет английские слова. Омерзительный болотный запах. Возможно, болен.

На этом протокол заканчивается. Люс перечитывает документ еще раз и находит место вопроса: город Нант. Оплот католичества в Бретани. Ни разу не был под гугенотами.

На сегодня весь улов. Негусто.

Летний вечер превращается в сумерки, сумерки в звездную ночь. За распахнутым окном еще слышны перепалки задир, смех, шутливые окрики. Гулянье, одним словом. Свадьба.

Буквы расплываются и пьяно пляшут перед глазами. У них тоже праздник. Одна правда танцует джигу на костях у другой. А потом они меняются местами.

Что ж, пора зажигать свечу.

В богов Люс не верит давно. И не вспомнит, верил ли когда-нибудь. Зевса боялся. Христа уважал. Но чтобы верить... Для этой цели у Люса есть шпага. Хотя с виду он вполне обычный католик. Даже скучный. С виду. Ходит на мессы, как все. Но обращается не к богу. Вместо молитвы повторяет: «Как мне снова найти тебя, Антония?».

Сейчас у него в руках католическая листовка пятилетней давности. Наверняка попала в сверток с допросами случайно. Свеча догорает, глаза болят, он хочет спать и уже готов отложить пожелтевший лист, но в последний момент решает просмотреть.

Представьте, как будет выглядеть Париж, если на одной улице, в одном доме, в соседних комнатах будут проповедовать католики и гугеноты. Близ церкви, где причащаются Телом Спасителя, на углу в лавке станут торговать мясом в пост. И тут же раздавать монеты с ликами языческих чудищ, которые якобы открывают врата в жизнь вечную. В парламенте сядут рядом защитники веры и осквернители святынь. Человек, исповедующийся священнику на Пасху, будет знать, что на него показывают пальцем и с презрением называют папистом. Твой сосед, твой друг, твой родственник будет гугенотом и кальвинистом. Никогда не было ни у нас, ни в каком другом государстве такого смешения и разлада.

Последняя буква «а» тонет в кляксе. Его внимание тонет в одном предложении. Языческие чудища – чем не определение для Медузы Горгоны? С жизнью вечной составитель сего обращения погорячился – видно, ему монета так и не досталась.

Сна ни в одном глазу. Люс подскакивает, выходит из кабинета, возвращается, бережно складывает листок, кладет во внутренний карман камзола. И только тогда спускается, открывает дверь. Вдыхает свежий, напоенный ароматом роз воздух. Вспоминает их с Антонией сад, их ночи. Дает себе право вспомнить. Смотрит на звезды. Совсем другие. Но он уже научился ориентироваться по чужим.

Мысли приказывают ему действовать прямо сейчас.

Не без усилия он успокаивает их. Дает себе время. Может, надежда – та же пустышка, как и его неразлучная монета. Но в эту ночь он будет думать, что все получится.

2.

Четвертый день со дня свадьбы. Утро. Лувр спит.

В архивах при канцелярии тихо. Тут всегда тихо, но сегодня особенно. Господин Этьен, старший писарь, раз мелькнул и спрятался за стеллажами. Еще до всеобщих празднеств господин Филипп уехал из города по государственным делам. А Люс остался выполнять поручения секретаря здесь. Кажется, из всего города на службу пришел он один. Да долговязый призрак старшего писаря с больной головой – никак после обильных вечерних возлияний за здоровье молодоженов.

Люс ничего не имеет против этой тишины. Ему на руку.

За год он неплохо научился ориентироваться в лабиринтах архива. В правом крыле – входящие: договоры, письма, прошения. В левом – исходящие: жалованные грамоты, дипломатические послания. В королевской сокровищнице, отдельной запертой на ключ комнате без окон, – династические и секретные дипломатические документы, брачные договоры, завещания. Даже изъятые архивы завоеванных Францией государств.

Работа у Люса простая: вести регистр, то бишь делать в книге записи о всех бумагах, что вошли или вышли из архива. Но к королевской сокровищнице ему доступа нет. Ключ у господина Этьена, у него же и отдельная книга-регистр, в которой тот недавно сделал новую запись.

Сегодня старшему писарю не до королевской сокровищницы – каких-то четверть часа назад господин Этьен жаловался на мигрени. В ответ Люс его по-дружески похлопал по плечу и даже позволил себе фамильярно приобнять.

Старший писарь немного смутился, но ничего не сказал.

В результате всех этих манипуляций у Люса в руках оказался ключ. А у господина Этьена приятное ощущение дружеского сочувствия.

Люсу позарез надо увидеть королевский архив. Все доступные документы, имеющие хоть какое-то отношение к гугенотам и зарождению их веры, он уже пересмотрел, пользуясь всеобщей рассеянностью в связи с королевской свадьбой. Но ничего интересного не нашел.

Прислушиваясь к шороху – не хватит ли господин Этьен ключа? – Люс бесшумно открывает дверь в комнату без окон,

достаёт из-за пазухи свечу, зажигает, сразу притворяет дверь за собой. В ноздри бьёт запах пыли, чернил и залежавшихся королевских секретов.

Он торопливо ведёт свечой, просматривая корешки кожаных папок. Наугад выбирает одну. Рождения, смерти, крестины. Ставит папку на место. Берет еще и еще. Даты, события, люди. Для королевской семьи это важно, для него не очень. Люсу становится скучно. Зачем он сюда вообще полез?

Еле сдерживаясь, чтобы не чихнуть, Люс вытаскивает очередную папку. Последняя, решает он и развязывает тесемки. Скуку как рукой снимает. «Дело о листовках», – читает название. Он уже наталкивался на упоминание об этом в других архивах. Октябрь 1534 года – гугеноты распространяют листовки по всей Франции. А вот и одна из них. Протокол гласит, что авторство принадлежит Антуану Маркуру, и листовку именно такого содержания нашел Франциск I на пороге своей спальни.

Жертва Иисуса Христа совершенна и не нуждается в повторении, следов., папа римский, кардиналы, епископы и священники – лжецы и богохульники.

Утверждение, будто в Причастии присутствуют Тело и Кровь Христовы, – идолопоклонство.

Католич. духовенство затемняет смысл таинства Причастия, к-рое состоит лишь в воспоминании о страданиях Христа, а сама Церковь занимается пустяками: колокольным звоном, боротанием молитв, пением, пустыми церемониями, переодеванием и всякого рода колдовством.

Смело.

Пухлая пачка скрепленных вместе бумаг похожа на рукопись. «Комментарии к труду Жанна Кальвина «Наставления в христианской вере» с посвятительным письмом королю Франции Франциску I». Без подписи. Кто-то постарался для королевской короны и предпочел остаться в тени.

Люс проглядывает комментарии по главам: «Закон», «Символ веры», «Молитва Господня», «Таинство Крещения и Евхаристия». Что есть богопознание? Какова связь между Ветхим и Новым Заветами? Существуют ли предопределение и провидение? Какой должна быть христианская жизнь?

По мнению безымянного комментатора, Кальвин проповедовал монашество в миру. Ремесло, должность – это и есть служение, монашество. Следовательно, сам труд является единственным богоугодным ритуалом. Вся роскошь и блага, которые человек получает в результате труда, лишь побочные составляющие, а не самоцель. И сами по себе ни о чем не говорят. В труде вся радость.

Спасение души предопределено. Просить бессмысленно. Бог знает заранее, кому уготован Ад, кому Рай. Но праведному труженику Бог помогает. Удача и благосостояние – это благословение свыше. А монеты – Божье признание заслуг. На одной стороне монеты – чудища грехов, которых мы победили, на другой – наши имена. Жизнь вечная возможна на брэнной земле. Для этого не нужно умирать...

– Вот вы где! – раздается за спиной Люса неожиданно бодрый голос старшего писаря.

Люс молча закрывает увесистую папку гугенотских откровений, кладет на место. Оправдываться? Застигнут на месте преступления, что тут скажешь...

Старший писарь смотрит насмешливо, но не зло.

– Интересуетесь гугенотами, – наконец говорит господин Этьен. Без сомнения, он узнал папку.

– В определенной мере, – уклончиво отвечает Люс. Париж, особенно королевский двор – насквозь католический.

– Что ж, закрывайте сокровищницу, – деловито командует старший писарь. Тон его меняется. – И побеседуем.

Увольнением дело не обойдется. Люс гасит свечу, нарочито медленно проворачивает ключ в замке, прикидывая, бежать ему сейчас или чуть погодя. Высокие витражные окна так просто не выбьешь. Черный ход один – и тот заколочен. На пути к главному выходу высится фигура господина Этьена.

И Люс выбирает остаться.

Стол старшего писаря до безысходности упорядочен. Корешок реестра лежит строго параллельно линии стола. Чернильница по диагонали в сорок пять градусов. Перо в ней под углом шестьдесят градусов к поверхности. Углы смыкаются: ни сбежать, ни спрятаться.

– Вы нарушили устав, – слова господина Этьена так же прямолинейны.

– Да, – подтверждает Люс. – Чем я могу искупить свое недостойное поведение?

Французский двор учит его вежливости.

– Правдой, только правдой. Откуда такой интерес к гугенотам? Сдается, уважаемый, я видел вас на мессе.

Правда – очень дорогая плата. Но господин Этьен меньшим не удовлетворится.

– Я ищу жену. Она пропала без вести. У меня есть основания полагать, что она среди гугенотов.

– С женами такое случается, господин Люс, они просто уходят к другим. И вероисповедание здесь ни при чем, – ухмыляется старший писарь.

В этот момент Люс жалеет, что не выбил витраж, и теперь слышит то, что слышит.

– Впрочем, если вам интересно, приходите завтра после службы в Латинский квартал. Аббатство Ключи со стороны римских терм, – и старший писарь кивает, давая понять, что разговор окончен.

Люс возвращается к своим обязанностям. Раскладывает прошения по папкам и размышляет, не удрать ли ему из Парижа навсегда.

3.

Архив напоминает склеп. Что бы ни происходило, здесь прохладно и тихо. А выйдешь за дверь – и тебя тут же схватит за грудки беспардонная жизнь. Вот как его давеча, когда Люс решил прогуляться по парку вдоль недостроенного загородного дворца Екатерины Медичи, плутая между огромными газонами, орнаментальными садами и продираясь через поле хмеля. Две фрейлины, посчитав его подходящим собеседником, принялись рассказывать:

– Ах, Люс, какую утонченную французскую поэзию читали в первый день свадьбы!

– А какая музыка!

– Это только между нами, но Генрих де Гиз был сильно рассержен.

– Взбешен! И рано ушел. Как неприлично...

– Королева без ума от Гиза. Мечтала за него пойти замуж!

– И все же бал выдался грандиозным!

– А на следующий день – праздничный обед во дворце герцога Анжуйского! Прелесть, а не обед!

Люс кивает, соглашаясь со всеми восторгами.

– Вы же были на спектакле «Рай любви» перед Бурбонским дворцом?

Он пожимает плечами. В глазах фрейлин полное недоумение. «Зачем вообще жить, – будто спрашивают они, – если не балы, не спектакли, не званые обеды?»

– Спектакль на тему героической битвы.

Люса разбирает смех, но он старается сохранять серьезность.

– И не только спектакль – турнир, маскарад! Участникам сшили костюмы. Странствующие рыцари – Наваррский, Конде и Ларошфуко – пытались взять штурмом Врата рая.

– Рыцарей ждали двенадцать нимф, среди которых были королева Маргарита и Мария Клевская.

– А врата охраняли ангелы – король Карл, герцог Анжуйский и герцог Алансонский.

– Не ангелы, а рыцари!

– Нет, рыцари брали штурмом!

– А вот и неправда – охраняли!

– Но спасли всех все равно дамы.

Щебетание фрейлин наконец затихает.

– Люс, у вас удрученный вид. Вы так не любите театр?

– Да уж насмотрелся, мадемуазели.

– Тогда обязательно приходите сегодня во двор Лувра. Королевская семья будет играть в гонки за кольцом. Знаете, что это?

Он, конечно, не знает.

– Вам надо чаще выходить в свет, Люс! Вы пропускаете самое интересное! В этой игре всадники на полном скаку должны подцепить копьём шелковый платок.

– Благодарю! – Люс отвешивает поклон, радуясь, что прошло всего пять дней свадьбы. И, похоже, это конец рассказа.

Фрейлины недовольно переглядываются. Что ж, с женщинами у него никогда не ладилось.

Сегодня свободный вечер. Корпеть дома над бумагами все равно не сможет, ожидание встречи съедает все силы.

Сена тоже волнуется. Легкий ветер поднимает мелкую рябь – гладит Сену против шерсти. Той не нравится.

Во всех направлениях снуют лодки с пассажирами, перекрикиваются паромщики.

Неплохо бы кое-кого проведать. Он сворачивает с набережной на мост Менял и, минуя его, углубляется в улочки Сите. Не доходя до Мельничного моста, останавливается у дома Хаима. Дергает дверной звонок. Условленные три раза. Шарканье ног. Дверь приоткрывается, сначала появляется нос, потом сам Хаим.

– А, господин Люс, проходите, милейший, проходите!

Первый этаж отдан под лавку. И тут есть на что посмотреть. Даже Люсу все эти вещицы кажутся настоящими. Возможно, так оно и есть. Провести ростовщика Хаима труднее, чем обхитрить саму смерть. Но он с Хаимом на одной стороне.

– Есть ли какие-то новости? – напрямик спрашивает Люс.

– Нет, увы, – Хаим оглаживает бороду, поднимает на него пронизательные глаза. – Я знаю, каково вам. Старый Хаим все понимает и не обманет. А какой прок в обмане? Вы потом расскажете господину старшему писарю, тот государственно-му секретарю, тот – даже страшно подумать кому. И кто тогда к Хаиму придет?

Люс не позволяет разочарованию утянуть его на дно. Он охотится за фидулой не один век, поохотится еще немного. Сам виноват. Почему дал уйти Эмер? Почему не расспросил, откуда на плаще ее дочери римская фидула?

– Я отблагодарю! – говорит Люс, хоть и верит еврею.

– Не сомневаюсь, милейший. У меня тоже есть кому распускать слухи.

Улыбка тонет в черной с проседью бороде Хаима.

– Может, вас заинтересует браслет? Редчайшая работа, Персия, четвертый век до нашей эры.

Нет, браслеты Люса не интересуют.

Они прощаются, и Люс снова выходит к Сене.

Когда-нибудь он всех найдет и всё поймет. Когда-нибудь. А пока ему остаются заходящее солнце, неизменная река и глупая надежда.

4.

В средневековом Париже левый берег осваивали неохотно. Совсем не то, что в бытность Римской империи. Аббатства Сен-Жермен-де-Пре, Сент-Женевьев и Сен-Марсель долгое время соседствовали с обширными полями и виноградниками. Но вместе с тем рядом с аббатствами теснились коллежи.

Спустя пару веков Робер де Сорбон объединил все коллежи левого берега в университет. Там начали преподавать на латинском – поэтому окрестности назвали Латинским кварталом. Левый берег оживился: студенты приезжали отовсюду, их страсть к знаниям и дракам по любому поводу всколыхнула застывшие в торжественной тишине аббатства, поля, виноградники и остов Римской империи в виде терм и каменоломен.

Люс проходит под сводами башни Малого Шатле – такой же громоздкой и неуклюжей, как и Большой Шатле. Попадает на университетскую площадь. Пока не стемнело, и еще можно различить пузатый купол университета, парадную лестницу. Часы отбивают десять ударов.

Он минует главные ворота и, не обращая внимания на крики студиязов, а те уже навеселе, Люс ныряет в боковую улочку, сворачивает на соседнюю. Еще пара поворотов – и он выйдет к аббатству.

Париж налит зноем и несвойственным городу напряжением. Здесь все больше чужаков. Он и сам чужак, поэтому чувствует таких же. Да и внешние отличия найдутся, если приглядеться. Более строгий покрой, более темные тона платья, отсутствие испанских гофрированных воротников – гугенотов выдает одежда, но не только она. Серьезные лица, внимательные взгляды: они будто что-то вычисляют, к чему-то готовятся. Парижане сторонятся пришлых. Но кто на самом деле пришлый, покажет время.

Пробираясь вдоль стены, Люс высматривает руины римских терм, которые давно поглотила территория монастыря. Дороги как дороги – всё те же, только камней под ногами стало больше.

От стен веет запустением и сыростью: состояние аббатства Ключни оставляет желать лучшего. Безжизненные пустующие башни. Вон на ратушу сел ворон и открыл клюв, готовясь каркнуть, – теперешний хозяин. Темные прорехи в базилике вместо витражей, забор – и тот порос сорняками.

Процветающее аббатство пришло в упадок три века назад. Робкая попытка вдохнуть жизнь в опустевший монастырь провалилась: часть аббатства сделали резиденцией Марии Тюдор, но у королевы то умирали мужья, то рождались дети – до благоустройства Ключни дело не дошло. Вскоре аббатство полностью разорили гугеноты, доказывая на деле бесполезность ритуалов, и особенно – отведенных для них роскошных помещений.

Сквозь сумерки проступает господин Этьен. Он сутулится, будто шляпы и плаща недостаточно, он хочет спрятать свой рост и всего себя от праздного наблюдателя, найдись такой.

– Идемте, – бросает на ходу старший писарь и увлекает вдоль стены аббатства.

Останавливается около увитого плющом участка, долго шарит рукой. Наконец лязгает невидимый засов.

– Прошу!

Они ныряют в потайную дверь и ступают на территорию Ключни. Руины терм остаются по правую руку. Люс постоянно спотыкается о какие-то черепки в высокой траве. Старший писарь ведет его между базиликой и кельями.

– Говорят, здесь была прекрасная библиотека, – замечает Люс.

– А вот и она, – господин Этьен указывает на флигель с почерневшей от пожара крышей. Окна и двери таращатся на незваных гостей пустыми глазницами.

– Гугеноты так ненавидят образованных людей?

Старший писарь неожиданно выпрямляется и теперь довлеет своей долговязой фигурой над Люсом. Тот уже готов выслушать что-то интересное про гугенотов и библиотеки, но господин Этьен говорит:

– Колиньи ранен.

– Адмирал де Колиньи? – глупо переспрашивает Люс.

– Да. Правая рука короля Наваррского. И доверенное лицо короля Карла. И кость в горле Екатерины Медичи.

– Вы гугенот?

Снова глупый вопрос. Понятное дело, он остается без ответа.

Шляпу Люса задевает кожистое крыло. Тень улетает в сторону одной из башен аббатства. Такие же мельтешат в старых скрюченных вязах. Пора летучих мышей.

Старший писарь толкает дверь ратуши. Та поддается, и господин Этьен жестом приглашает Люса внутрь. Возня, вспышка – его лицо освещает свечной фонарь. Писарь отодвигает тяжелую плиту погребца, и они начинают спуск.

– Будет война, Люс. Покушение на Колиньи не простят. Ранние пустяковое, рука заживет. Но это теперь дело чести.

– А когда делом чести станет просто жить? Без всяких высоких идей?

– Никогда. Это слишком сложно.

Люс бы поспорил. Но вынужден согласиться. Слишком крутой спуск. И слишком мало у него доказательств.

Грубо сколоченная лесенка ведет в винный погреб. Монахи радели о разбитых в окрестностях виноградниках не меньше, чем о вере. Поэтому запасы «крови Господней» постоянно пополнялись. Пока не пришли гугеноты, конечно. Люс не заметил ни осколков, ни других следов побоищ, лишь пустые гнезда в стенах да липкие круги от бочек на пыльном полу. Вероятно, гугеноты предпочли уничтожить вино естественным способом: просто выпить. На сей раз обойдясь без погрома.

– Вы решили убить меня тайно? Чтобы не хватилась мышь из моего погреба да скворец, который лакомится вишней в моем скромном саду?

Люс понимает, что совершенно не понимает, что на уме у старшего писаря. Тем временем они проходят под третьим сводом бесконечного погреба, который тянется далеко за пределы ратуши. До Люса долетают отголоски разговора. С каждым шагом голоса усиливаются.

– Вы так одиноки?

– Не больше, чем любой смертный, – усмехается Люс.

Очередной поворот галереи раскрывает тайну голосов. Под низким сводчатым потолком у добротного дубового стола времен расцвета аббатства Ключи собралось с десяток человек. Свеча на столе чадит, всполохами освещая лица. «Чужаки», – приходит на ум первое определение. Нет, не так. Другие. Гугеноты.

– Друзья, разрешите вам представить господина Люса, помощника секретаря. Он ищет свою жену и полагает, что она стала гугеноткою.

Настороженные лица расплываются в улыбках. Конечно, им смешно. Они захотят потешиться над ним, унижить католика, который не смог удержать женушку в узде святой веры. Что ж... Будь он католиком, план бы сработал.

Но он никто.

Люс молча достает монету и показывает почтенным господам гугенотам. На расстоянии десяти шагов в полутемном погребке те вряд ли различают лик Медузы и клокочущую пустоту обратной стороны. Но если он не ошибся в расчетах, монета для них что-то значит.

И он не ошибся.

Гугеноты притихают, они растеряны и смотрят на старшего писаря. Господин Этьен, видимо, здесь пресвитер. Или даже пастор? В образованности ему не откажешь.

– Откуда это у вас? – спрашивает писарь.

– Неважно. У моей жены были такие же... Она относилась их...

Тут он запинается. Потому что сам не знает, какие монеты и кому носила Антония. Но с набожными людьми можно не оканчивать предложения. Всем лакунам они находят одно объяснение: Бог.

Люс указывает пальцем наверх и ловко прячет монету под рубашу. От греха, а заодно и добродетели подальше.

– Господа, у нас неприятности, – старший писарь не дает Люсу насладиться триумфом. – Адмирал де Колиньи ранен. Стреляли из дома де Гизов, будь они прокляты. Дело рук их любимчика, этого бретера, сеньора де Моревера... Они испугаются мести. Будет новое покушение. И не только на Колиньи.

Гугеноты молчат. Свеча плавится и, будто оплакивая еще не случившиеся потери, начинает гаснуть. Господин Этьен

с громким стуком ставит на стол фонарь. Отблески бросаются из стороны в сторону, Люс замечает рисунок на стене: летящий голубь и стебелек лилии в клюве.

Постепенно люди сбрасывают оцепенение. Начинают переговариваться вполголоса, с опаской оглядываются, словно бретер де Моревер уже пришел за каждым из них.

Македонский казнил бы предателя на месте, рассуждает Люс. Но те времена прошли. Интриги не распутаешь ударом меча. Узлы только крепче станут.

– Что нам делать? – спрашивает юноша. Над губой у него легкий пушок.

– Не знаю, – говорит старший писарь и обводит всех пытливым взглядом. Останавливается на Люсе. – А вот он знает!

5.

Он уже готов почувствовать запах тины, чью-то невесомую руку на плече, отяжелевший от чужих монет карман, но ничего этого не происходит. У провидения свое понятие справедливости, и спасать именно этих гугенотов не входит в его планы. По крайней мере сейчас.

И тем не менее от него ждут ответа.

– Вам ведь знакома та монета, что я показал? Судьба predetermined. Но прожить ее можно по-разному. Монета дарует жизнь вечную, однако монеты дарованы не каждому. Они появляются и исчезают. Иногда вместе с ними исчезают из нашей жизни люди. У меня нет монет для вас, мои карманы пусты. Пока. Но если будет угодно Богу, вы получите монеты. Клянусь. И я попрошу кое-что взамен.

Люс переводит дыхание. Во рту сухо. Он ведь не уверен ни в чем. Даже в том, что выйдет из этого винного погреба, в котором нет ни капли вина, живым.

– Вы еще ничего нам не дали, господин Люс, чтобы просить, – старший писарь недовольно крякает.

– Я поклялся. Этого мало? – осторожно спрашивает он. – Вы ведь знали таких, как я? Тех, кто раздавал монеты? Это могла быть Антония, моя жена... К платью приколоты фибула... брошь с изумрудами...

Белые лица. Темное подземелье. Кажется, его слова падают в бездну непонимания, исчезают, едва срываясь с губ, как когда-то исчезло доброе вино бенедиктинцев.

Никто не отвечает. Что ж...

– Жизнь вечная – это слишком неопределенно. Что делают ваши монеты? – деловито интересуется господин Этьен, пропуская просьбу Люса мимо ушей. – Все, кто их получал, ушли безвозвратно.

– Не имею счастья знать.

– Вы остаетесь с нами, – внезапно решает старший писарь. – Надо предупредить братьев. А потом Господь рассудит.

Полночи они пишут листовки. Предусмотрительный господин Этьен принес на всех бумагу. Перья и чернильницы нашлись в нише для бутылей. Стряпать листовки для гугенотов – привычное дело.

Люс покорно садится писать со всеми под диктовку старшего писаря.

«...и если на гугенотов объявят охоту, что вполне возможно, знайте: католики-заговорщики различают друг друга по белым крестам, нашитым на одежду, и белым шарфам. Позаботьтесь об этом сегодня же...»

– Откуда слухи? – Люс поднимает глаза на господина Этьена.

– На вашем месте я бы предпочел этого не знать, – бросает старший писарь и продолжает начитывать листовку.

Люс вспоминает отбывшего по срочным делам господина Филиппа де Гиля. Расположение того к господину Этьену. И мозаика в голове помалу складывается.

Листовки написаны, присыпаны песком и разделены на пачки – по количеству человек. Когда все готово, старший писарь увлекает прихожан вглубь подземной галереи. Открывает люк и приглашает спуститься по шаткой лестнице. Для общины это привычное дело. Никто не задает вопросов. Не спорит.

Они оказываются в разветвленных ходах каменоломен. Добычу известняка начали еще римляне, Люс сам вырыл не один тоннель под Парижем. За столетия тоннели разрослись и превратились в подземный город.

Братья гугеноты разбегаются в разных направлениях, сосредоточенные и серьезные, как муравьи. К Люсу приставляют безусого юношу и отправляют по одному из рукавов подземелья.

– Куда мы идем? – спрашивает он, не надеясь на ответ.

Под ногами что-то хлюпает, свечи горят плохо, звуки обрываются, едва начавшись. От ощущения непоправимой беды сосет под ложечкой. Ничего уже не изменить, не остановить. Даже если ты король Франции.

– Другие общины тоже собираются в каменоломнях. Так надежнее. Мы не доверяем всем этим договорам.

– В Париже гугенотов не любят, – соглашается Люс.

– Не понимают, – запальчиво возражает юноша.

Он взмахивает рукой, и свеча освещает лицо. Колючий непримиримый взгляд.

– Луиза, – вдруг говорит юноша, – к нам приходила девушка, Луиза, всего пару раз.

Люс замирает. Подземелье становится огромным, расширяется до всего подлунного мира, на краю которого обязательно найдется Антония.

– Я видел, как она дает что-то прихожанам. Потом один брат показал монетку: мол, это такой дар. Но я ничего не понял. И спросить некого – брат перестал приходить на служения.

– А Луиза? – его голос против воли дрожит.

– Луизу я встретил на рынке. И позвал потом на ярмарку. Вы не думайте, у меня есть на что купить подарок девушке, – юноша сменяет гнев на милость и улыбается. Его лицо светится счастьем. Ничем не омраченным щенячьим счастьем.

Умел ли он когда-то так улыбаться? Люс пытается вспомнить – и ничего не вспоминается.

– И что Луиза, согласилась?

– О да! Я купил платок – зеленый с золотом. Ей очень шел!

– Ваша удача! – говорит Люс и ждет продолжения.

– Какая там удача, – настроение юноши резко меняется. – Она больше не хочет меня видеть.

– Это поправимо, – уверенно врет Люс. – Если вы, конечно, разведаете, где она живет.

– Правда? – наивно восклицает юноша. – Вы мне можете?

– Помогу, – обещает Люс, – только сначала давайте отдадим листовки.

– Шарль! Меня зовут Шарль!

Он сдержанно представляется в ответ, и путешествие по запутанным туннелям каменоломен продолжается.

Кажется, света стало больше, гораздо больше, чем могут дать их две свечи.

И еще кажется: он узнаёт этот свет.

6.

Они идут из тоннеля в тоннель – от одного тайного собрания гугенотов к другому. Не всем повезло разместиться в подвалах аббатства. Кто-то довольствуется мало-мальски просторной пещерой с проросшими сквозь толщу камня свисающими над головой корнями и скользкими известковыми стенами. Пастора и прихожан застают лишь в одном месте – время позднее. Отдают листовки в руки. Остальным оставляют, придавливая бумагу камнем.

– Шарль, вы уверены, что послания не попадут в руки католиков?

– Те слишком любят роскошь и не сунутся под землю, – насмешничает юноша. – К тому же видите? – и он указывает на стену.

Голубь и стебелек лилии в клюве.

– Голубь – это Святой Дух, он несет лилию, олицетворяющую Евангелия Нового Завета. Это наш знак.

– Не хватает креста, – замечает Люс.

По дороге Шарль пытается расспросить о монетах. Люс отвечает уклончиво.

– А Луиза? – переводит он разговор, и юноша сразу оживает, краснеет. – Может, она еще кому-то давала монетки?

– Господин Этьен раз обмолвился...

Люс спотыкается и едва не роняет свечу.

– Осторожнее, тут начинается подземный ручей.

И правда, из стены сочится струйка воды и бежит дальше по камням.

Остается по паре листовок на двоих, и тогда Шарль заявляет:
– Будем подниматься.

Они минуют еще три развилки. Люс пытается запоминать повороты. Первый раз свернули направо перед широкой штольней, потом длинный коридор с пещерами-кельями по бокам, потом ручей – и налево. Сможет ли он пройти так еще раз сам? Не уверен. Но Шарль, кажется, способен одолеть путь и с закрытыми глазами.

Пара приставных лестниц с обломанными ступенями – если повезет, ноги останутся целыми, – и они оказываются в чем-то погребе. Настоящем погребе, где есть бочонки с вином и соленьями. Юноша стучится в подвальный люк, ждет.

Лязгает засов, в глаза бьет слишком яркий свет. Угрюмый хозяин – черная густая борода, глаза немного косят, крючковатый нос – помогает им выбраться.

Кухонный стол заполнен склянками, колбами, какими-то разноцветными порошками. Если здесь и готовят, то не еду.

– Вот, – едва выбравшись и отряхнувшись от каменной крошки, Шарль протягивает листовку.

Хозяин внимательно изучает. Его лицо ничего не выражает. Люс даже не уверен, что тот умеет читать. После изучения листовки хозяин поднимает на непрошенных гостей глаза, кивает и указывает на дверь.

– Немой? – интересуется Люс.

– Алхимик, – говорит юноша, словно это все объясняет. – Господин Этьен говорит, он нашел философский камень. Но я этому не верю.

Солнечное утро 23 августа. Они на левом берегу вверх по течению Сены, однако еще в Париже.

Бедные домишки обступили порт, как попрошайки. Рабочий люд обвязывает древесину, которую тут же спускают вниз по реке. На стихийных рынках продают все, что можно продать, а между рынками снуют лодочники – в поисках товаров и приключений.

Шарль вспоминает сам:

– Я покажу, где живет Луиза.

Люс мысленно ликует. Эта девушка ему нужна не меньше, чем Шарлю!

Они пробираются через спутанный узел улочек. Прогулка не из приятных: то канавы, то ухабы. Приходится коротать время в беседе. Вернее, слушать истории юноши.

Отец отправил его в Сорбонну учиться. А по правде – отослал из замка подальше. Просто мать умерла, когда ему было десять, то бишь пять лет назад. Отец взял молодую жену: понятное дело, до Шарля ему дела больше нет. Хотя на университет дал денег, и то спасибо. А Шарль и не жалеет. Что ему делать в Нанте? В университете весело. Там его и нашел пастор: открыл глаза на истинную веру. Теперь он свободен. Понимаете, свободен! Об этом должны узнать все. Это же так просто. «Просто» – любимое слово Шарля.

Юноша широко шагает и размахивает руками. Крепкий светловолосый улыбчивый юноша. В его глазах восторг оттого, что он живет. От надежд. От веры в свою удачу.

Так непривычно для Люса, что мешает думать. А подумать есть о чем.

Во-первых, надо обстоятельно переговорить с господином Этьеном. Во-вторых, с Луизой. В-третьих, собрать все сплетни и хорошо подготовиться к возможной резне. Именно в это время в его кармане начнут появляться монеты Медузы.

Малый мост, а на самом деле – старейшая парижская дорога, построенная еще римлянами. Кардо Максимус: она пересекает остров Сите и продолжается на мосту Нотр-Дам. Сколько раз он глядел отсюда в Сену – гадал, куда теперь унесет его течение. Время прошло, все мосты застроены домами и лавками, реки не видать.

– Тут недалеко, – говорит Шарль и тащит Люса в квартал гильдий.

Квартал протянулся между собором Нотр-Дам и епископским дворцом: улица Скорняков, Булочников, улица Перчаточная, улица Ткачей, улица Мелочной торговли. Они останавливаются в начале улицы Суконной. Подходят к добротному дому в три этажа. В верхних окнах мелькают женские силуэты.

– Луиза! – недолго думая, зовет Шарль. – Она белошвейка, – не отрывая взгляда от окна, бросает Люсу.

Никто не спешит отвечать на призыв юноши.

Тогда тот подбирает камешек и легко бросает в окно. Надо сказать, ловко. Шарль наверняка упражнялся с самой пасхальной недели. Каждый день. Или по два раза в день.

Наконец выглядывает рыженькая девушка. Прыскает от смеха. Юноша разочарованно отворачивается. «Не Луиза», – догадывается Люс.

Делать нечего, Шарль стучится в дверь.

Ему тут же открывает рассерженный портной: в руках ножницы, передник утыкан шпильками, которые от возмущения встали дыбом.

– Простите, господин Пьер, я к Луизе.

Портной прощать не спешит. Но за его спиной уже появляется другая девушка. А вот это точно Луиза. Очень тонкая, почти прозрачная. Алебастровая кожа – такая же белая, как ткань, из которой она шьет. И словно, чтобы подчеркнуть белизну: иссиня-черные волосы и будто подрисованные углем брови. Такую можно рассматривать бесконечно. Бедный Шарль.

Юноша толкает Люса под локоть. Он спохватывается – обещал же помочь! Напускает на себя серьезный вид. Люс говорит: – Я по делу о монетах. Королевский архив его величества.

Звучит бессмысленно, но на неискушенных людей действует. Портной отступает. Кожа Луизы становится еще тоньше – паутинка в каменоломнях, которую он смахивал с лица всю ночь. На виске пульсирует синяя жилка. Словно речная вода под непрочным весенним льдом.

– Мадмуазель Луиза, могу я с вами поговорить?

Она кивает. И делает шаг вперед. Люс берет девушку под руку и отводит в сторону.

– Луиза... – лепечет Шарль. – Почему вы молчали?

И сейчас вопрос юноши остается без ответа, Луиза переводит взгляд на Люса. Пытливо смотрит. Будто это не он пришел «по делу о монетах», а она вызвала его на допрос.

Портной все еще стоит в двери. Шарль смущенно мнетя на месте, бросая обиженные взгляды на Люса.

– Не буду спрашивать, знакомы ли вам эти монеты, – он вытягивает из расстегнутого ворота рубахи шнурок, на шнурке мешочек, в мешочке Медуза.

Луиза оглядывается по сторонам, будто само присутствие монеты становится преступлением.

– Я не выдам. Мне важно знать, кто вам дает монеты. Что происходит с людьми, когда они получают их?

– Пожалуйста, милейший, не заставляйте меня вспоминать!

Черты лица Луизы остаются безмятежными, только еще сильнее бьется синяя жилка – бурная река вот-вот прорвет непрочный лед.

– К вам приходит старик? Кто он? – Люс распаляется, разгадка так близка...

Краем глаза он улавливает знакомую долговязую фигуру. Старший писарь торопливо идет, поглядывая по сторонам. Люс знает, кого он ищет. Шарль тоже замечает писаря, но вместо того, чтобы благоразумно помолчать, давая Люсу хоть пару дополнительных мгновений, кричит:

– Господин Этьен, господин Этьен!

Тот поднимает голову, приветственно машет рукой и, делая гигантские шаги длинными ногами, стремительно приближается.

– Сколько тебе лет? Сколько ты живешь?

Он выпаливает первое, что волнует, уже не беспокоясь о приличиях. Луиза задумывается.словно что-то вычисляет и никак не может вычислить. И когда старший писарь уже приподнимает шляпу, здороваясь с Шарлем, Луиза говорит:

– Семнадцать.

И прислушивается, будто сама удивляясь ответу.

– Господин Люс, нам надо поговорить, – подмигивает старший писарь и увлекает его в направлении Лувра.

Слышится недовольный окрик портного, покорный шорох юбок Луизы. Вздох Шарля.

– Я скоро вернусь, – оборачивается Люс и бросает вдогонку Луизе.

Шарль идет рядом и недовольно хмыкает. Он представлял эту встречу по-другому. Совсем по-другому.

7.

Дневной зной разливается за толстыми стенами архива. Сквозь открытое окно долетает городской гул. Люс хотел бы оказаться там – в обычной жизни. Но пока ему приходится отвечать на необычные вопросы.

– Это ваша монета? Кого она спасет? – старший писарь отрывает голову от бумаг.

– Никого, – честно отвечает Люс. – Пока никого не спасла.

– Вас, например? – не унимается господин Этьен.

– Уж точно не меня. Что вам до этого? Вы свою получили.

Старший писарь кладет перо в чернильницу, встает. Начинает прохаживаться между столами. Смотрит в окно, смотрит на Люса. И наконец решает:

– На мой костер уже собирали дрова. В то утро около решетки камеры прошла девушка – я увидел подол ее простого вылинявшего платья, красные поношенные башмаки, а потом услышал звон. На пол упала монета. Я подобрал и сразу сунул за пазуху. Зачем мертвецу деньги?.. Пошел ливень, и с огнивом не ладилось. Католики рассудили, что гореть я буду невыразительно, и отправили в темницу до лучшей погоды. Счастливое совпадение – меня увезли в Нант и в это же время подписали соглашение. Много позже я прочитал на монете свое имя. И кое-что начал понимать. Вернулся в Париж и все хотел найти ту девушку. Как увижу красные башмаки – бегу знакомиться и понимаю по глазам: не то. После было всякое. Я похоронил для мира жену и детей – как хоронят всех больных лепрой: живых в гроб, а потом в лепрозорий. Обустроил убежище в катакомбах. Стал пастырем. И в конце концов нашел ее.

– Луизу.

– Она сама пришла к нам на молитву. Те же стоптанные башмаки. То же платье... Я часто спрашивал себя: как такое может быть? Со времени первой встречи прошло лет десять, тогда ей должно было быть семь. Но по ту сторону тюремных решеток я видел не девочку. Девушку...

– Вы жалели, что взяли монету?

– Кто знает, как бы повернулась моя жизнь? Может, сожгли бы на костре. А может, жена и дети остались бы здоровы. Я сделал выбор. Глупо жалеть об этом. По крайней мере я смог позаботиться о людях.

Они замолкают. Проскочивший в архив любопытный сквозняк перелистывает страницы манускрипта на столе господина Этьена.

– Будьте осторожны этой ночью. Оставайтесь в надежном месте, особенно когда услышите колокол. И нашейте белые кресты на одежду, прошу вас. Сейчас не время для принципов. Кто выживет, понесет правду дальше. Но сперва надо выжить.

– Луиза? – Люс осторожно произносит имя, будто боится разбить его хрупкое звучание.

– Позаботьтесь о ней, – говорит старший писарь. – И не подпускайте к девушке Шарля, ему нужна другая. Настоящая.

«Что значит «настоящая»?» – хочет спросить Люс, и тут дверь открывается нараспашку. Господин Филипп входит без стука, но с апломбом, и, скользнув взглядом по Люсу, увлекает господина Этьена в сторону королевской сокровищницы.

Приходится вернуться к бумагам, но мысли далеко. Луизе семнадцать. Сколько раз по семнадцать? Семнадцать, если считать от какой вехи? Семнадцать в общем или прожитых одним отрезком? Вензеля букв расплываются и собираются в женское лицо. Белая бумага кожи. Темные чернила волос.

Распуская шнуровку рубашки, Люс встает. Стул с визгом отодвигается назад. Чем больше Люс узнает, тем меньше понимает. И это приводит в отчаяние: так ему никуда не успеть.

– Идите, – перед ним вырастает старший писарь. – Надеюсь, еще увижу вас в добром здравии.

Люс почтительно кивает. Научился за год.

Лицо господина Этьена, теперь тоже белое, как у Луизы, ничего не выражает. Где-то за стеллажами нервно прохаживается господин Филипп.

– И не забудьте про кресты, – бросает старший писарь вдогонку.

Стоит выйти за порог архива, как обволакивает зной – такой густой и давящий, что только чертей с котлами не хватает. Люс нарочно идет через рынок Шампо, хотя мог бы его обогнуть. Пробирается сквозь толпу неспешно, подслушивая и подсматривая.

– А вы видели платье королевы... А корона... Кажется, ей чуть великовата.

Шелудивый пес вытягивает морду в сторону огромного окорока, свисающего с прилавка мясника, и осторожно, приподнимая губу, погружает зубы в мякоть.

– Знаете, говорят разное. Посмотрите на этих серьезных господ во всем черном. Явно что-то замышляют.

Мальчишка-оборванец крадется за состоятельным господином и уже подносит руку к кошельку на поясе, но оглядывается, натывается на предупреждающий взгляд Люса и, подныривая, скрывается в толпе. Теперь сам Люс смотрит на господина – у того подмышкой какой-то сверток. Наружу торчит белая ткань.

Он представляет, как господин разрезает ее на полосы и нашивает на камзол.

– Иголки английские, кому иголки?! Прочные и дешевые!

Базарная толпа замирает, прислушивается и начинает плыть в сторону зазывалы. Люса выносит к белобрысому чумазому пареньку. Иголки он держит в деревянном ящичке, подвешенном через плечо. Украл где-то? Неважно. Товар расходуется, как кровяная колбаса перед Рождеством. Паренек шмыгает носом и протягивает товар очередному заждавшемуся покупателю.

Что ж, добрая часть Парижа сегодня вечером займется шитьем. Несмотря на зной, по спине Люса пробегает холодок. Он выбирается из толпы и идет в свое холостяцкое пристанище. Дома есть игла. Старинная немецкая. Тонкой работы из дамасской стали. Купленная в те времена, когда это было доступно лишь состоятельным людям.

Разбирая содержимое сундука прежних хозяев дома, Люс раскладывает на полу рубахи, шелковое белье, бархатные платья. Кружева от времени истончились, бархат побила моль. Но коробочка с иглами на месте. Он рвет на лоскуты чью-то нарядную рубаху и берется за дело.

Когда все готово, Люс пробует читать архивы допросов. Сегодня они ему неинтересны. Он выходит на улицу. Полная красная луна похожа на рану, город похож на кладбище. А он – единственный выживший на всем белом свете.

Внимательно смотрит по сторонам. Ищет подсказки – и находит.

На некоторых домах выведены мелом белые кресты. Люс вспоминает соседей: те никогда не появлялись на мессе.

Он возвращается домой. Снимает с пояса шпагу, чистит ее. Проверяет, как ложится в ладонь рукоять. Делает пару выпадов. Ему надо бы думать о будущем, но он думает о прошлом. О та-

кой же знойной ночи. И о свете, который был с ним даже в крошечную темень.

Его будит звон колокола. Оказывается, Люс заснул, положив голову на стол. В унисон с колоколом – тревожно и беспокойно – гудит в сердце. Слышно хорошо, слишком хорошо. Звонят в церкви Сен-Жермен-л’Оксеру напротив Лувра.

Пора!

Он надевает заранее приготовленный камзол с крестом, шляпу, вяжет на руку повязку и закрывает за собой дверь. Кто-то берет его за плечо. Люс резко оборачивается, но чувствует только запах тины и тяжесть в карманах. Монеты. Снова эти чертовы монеты.

Улицы оживают, и это уже не свадебное веселье. Закоулки и подворотни захлебываются криками и возней. Совсем недалеко хищно лязгают шпаги. Стаккато конских копыт задает оркестру ночного города зловещий ритм.

Надо бежать к Луизе, но он пробирается в другую сторону – к Лувру. Хочет знать, насколько все безнадежно.

У отеля де Бетизи, где остановились люди Генриха Наваррского, неразбериха. Кого здесь только нет! Вон блестят шлемы королевской охраны. Рядом нахальные молодчики – приспешники герцога де Гиза. Да и сам герцог чего-то ждет, поглядывая наверх. К площади перед отелем сбегается все больше людей. Вооруженные кто чем, даже топорами, они здесь не для мирных переговоров. Такие не станут искать отличительные знаки. Топор должен рубить – вот и вся философия.

Краем глаза он замечает движение: из окна выпадает человек. Не по своей воле, конечно. И де Гиз этому рад. Герцог поднимает руку и кричит:

– Смерть Колиньи! Смерть гугенотам!

Победный вопль подхватывают, и отравленной волной он прокатывается по площади.

Все очень плохо. Люс увидел, что хотел. И что не хотел тоже. Он бежит закоулками, стараясь держаться подальше от набережной и не попадаться на глаза католикам, одержимым праведным смертоубийственным гневом.

Мост Менял позади. Как прошел его без потерь – не знает сам.

На улице Суконной под домом портного уже собралась компания господ с белыми крестами. Издалека и в свете луны они похожи на ожившие памятники. Весьма настойчивые памятники.

– Отворяй! – барабанят в дверь.

Этих вряд ли интересует вероисповедание. Скорее хорошенькие белошвейки, которых можно наказать или замучить, если те неправильно ответят на вопросы. Ну или собьются. Или промолчат. Луиза любит молчать.

– Королевская стража! Разойдись! – гаркает Люс так, чтобы до господ с белыми крестами дошло. – Беру их на себя!

И сам лупит в дверь как умалишенный. Ну же, портной, выходи, пока они не опомнились. Пока не сообразили, что при нем ни шлема, ни панциря, ни секиры. Пока не потребовали доказательств.

Его призыв услышан! Хвала Зевсу!

Приоткрывается щель, в щели показывается кочерга.

– По делу о монетах! – кричит он, пытаясь дать знак, мол, свои. Надеюсь, что портной не станет его лупить кочергой.

Сообразительный Пьер отступает на шаг, Люс ныряет внутрь и захлопывает за собой дверь

– Баррикадируйте, быстро! – кричит он, шаря глазами по мастерской.

Массивный дубовый стол для кройки – то что надо!

– Не дам! – говорит портной, но Люс уже сметает со стола выкройки, ставит на попа и придвигает к двери.

– Они убьют всех, – шепчет на ходу Люс, – просто потому, что сегодня можно. Вы, кстати, католик? – и он косится на хозяина.

– Я портной, – говорит тот.

– Замечательно. Но сегодня ночью лучше быть католиком. Нашейте пару белых крестов на камзол, чтобы потом их не пришлось ставить на могиле.

– А вы кто? Служащий архива или королевская стража?

– Я никто, любезный.

Крики на улице становятся настойчивее. Скоро снова начнут стучать.

– Надо убираться отсюда и побыстрее.

Люс и портной выводят белошвеек через потайной ход, в лучшие времена предназначенный для особо важных клиентов

и амурных дел. Девушки переодеты в мужское платье, волосы под шляпы, к одежде приколот крест. Это сбережет для них пару мгновений, а там – решать фортуне.

Он крепко держит Луизу под локоть. Им о стольком надо поговорить... Но, как всегда в этой проклятой жизни, – не время.

– Кто-то давал Медузу тебе? – шепчет ей на ухо Люс.

– Нет, – одними губами отвечает Луиза, – я не хочу этого.

Пробираясь по липким от крови улицам, они идут осторожно, чтобы не наступить на человека, возможно, еще живого. Стоны и крики – привычное сопровождение этой ночи – перестают пугать.

– Нам на левый берег, – бросает портному Люс. – Но сперва надо кое-куда зайти.

Хаим. Лавку еврея будут грабить в первую очередь. Всегда приятно мстить другим за свои долги, которые не можешь отдать.

Белошвейки жмутся к стенам, портной тоже. Так их сцапает первый же праведный католик. Или двое. Или пятеро. Праведникам в толпе всегда сподручнее. И он объясняет:

– Идите уверенно, широкими шагами. Встретим отряд – не бегите, дайте понять, что мы заодно, – быстро говорит Люс.

У лавки Хаима не протолкнуться. Тут всегда было бойкое место, а теперь особенно. Вооруженные отряды снуют между опрокинутыми рыночными повозками, бочками, развороченными прилавками у моста. Всем же известно: гугеноты прячутся в колбасных обрезках и гнилой рыбе. От мостов отряды бегут дальше – в кварталы гильдий за новой добычей.

Лавка Хаима темная и тихая. Пока незамеченная. Ничего! Через пару часов вспомнят и про нее. Возможно, еврей догадался обо всем раньше него и даже господина Филиппа. Иудеи остались без Иерусалима за несколько веков до его первой войны в Пелопоннесе. Они знают, как это – внезапно оказаться врагами всего рода людского.

Он обходит дом по кругу. Все окна темные. Свечей Хаим зря не тратит.

Из дальнего конца улицы слышны голоса.

– Быстрее! – подгоняет Пьер.

Люс толкает незапертую дверь. Зовет хозяина, жену, дочерей. Тишина. Лавка пуста. Не выломана, не вскрыта. Хаим сам все

забрал. Люс зажигает фонарь и обходит этажи – осталась только тяжелая мебель. Будто здесь никто и не жил.

Хаим знал.

В открытое окно Люс слышит перепалку. Пока словесную. Надо выручать. Но он не может расстаться с домом Хаима. С домом, который давал ему надежду найти если не Антонию, то хоть ее след. Разочарование заглывает ужасную ночь. Ему все равно, что и с кем будет.

Голоса под окном становятся все громче. Люс сбрасывает с себя оцепенение. И, начиная спускаться, замечает гравюру на стене. Здесь ее раньше не было. Но Люс узнает гравюру – Хаим часто хвастался, что это подлинный Дюрер. «Нет ценителей, – жаловался еврей. – Всем подавай божественные сюжеты да лозу с цветочками. А тут тварь из bestiария». Хаим причмокивал и сразу прятал изображение носорога под три замка.

Стал бы еврей оставлять подлинник Дюрера?

Если бы знал, что Люс придет. И захотел бы ему сказать что-то важное.

Чадит в фонаре свеча, отвлекают голоса на улице, но Люс решает осмотреть гравюру. Он проводит пальцем по тыльной стороне, на что-то натывается. Переворачивает – и не верит глазам. Возможно, всему виной полумрак, но думать некогда. Хватает брошь, заложенную за ободок гравюры, сует под камзол.

– Гугенотская сволочь! – слышит Люс крик с улицы.

В два шага он оказывается внизу, приоткрывает дверь.

Портного окружила толпа с крестами и без крестов – в руках у благородных палачей топоры и мясницкие ножи. Портной обнажил шпагу, но что это даст? Белошвейки жмутся друг к другу: шляпки сорваны, волосы распущены. Странно, что никто не уволок их в канаву. Убийство почтенную публику интересует больше.

Люса пока не заметили, и в этом его единственное преимущество. Он подхватывает кочергу, оставленную у дверей (спасибо предусмотрительному хозяину!), и без долгих вступлений опускает на голову самого петушистого. Двое других получают по коленям – до левого берега теперь бежать не станут. Наседавшие на портного оглядываются, и Пьер, пользуясь заминкой, де-

ляет выпад, уходя от смазанного замаха топора. Раненый соперник заваливается на бок, с другим разбирается Люс – с помощью той же кочерги.

Путь открыт!

Люс находит глазами Луизу. Ее щеки против обыкновения покраснелись. Как бы не схватила лихорадку, думает он и увлекает друзей к мосту Сен-Мишель.

8.

В эту ночь Париж напоминает разросшийся на весь город Монфокон. С той лишь разницей, что одними виселицами дело не ограничилось. Казни на любой вкус. Не заскучаешь.

Ничего лучше Люс не придумал – ведет портного и белошвеек к дому гугенота-алхимика. Без приключений не обходится:azole портов их ждет очередная стычка. Портного ранят в руку. На Луизе разорвано платье. Когда они бегут от преследователей, белошвейка Матильда оступается и катится по каменистой насыпи. Люс успевает ее перехватить над самой Сеной.

Алхимик захлопывает перед носом дверь. Уходит драгоценное время, чтобы растолковать: белые кресты не настоящие, и все они добрые гугеноты.

Наконец их маленький отряд в каменоломнях. Измученные белошвейки опираются на волглые стены, пытаются отдышаться. Портной лелеет раненую руку и прохаживается, оглядывая подземелье.

Отходя в сторону, Люс осторожно достает из кармана камзола монеты. Подносит к фонарю, читает имена. Увы, для Луизы ничего нет.

Вот она стоит у стены, напряженная, будто готовясь к отчаянному прыжку: сомкнутый в нитку рот, темные волосы по плечам, как змеи. Нет и намека на нежность и прозрачность. А ночь еще не закончилась.

– Луиза, Луиза... – повторяет он несколько раз, будто так может вернуть прежнюю Луизу. – Я должен уйти. Я могу не вернуться. Это очень важно... Скажи: кто дает тебе монеты?

– Я не знаю ее, – качает головой Луиза. – Она хорошая. Но боюсь того, кто приходит следом. Каждая встреча с ним... будто

меня утопили, а потом подняли со дна. И заставили куда-то идти, что-то делать.

– Как его найти? Я хочу встретиться.

– Это невозможно, – улыбается Луиза, и от ее улыбки веет вечным холодом Аида. – Вас не выдержит лодка.

– Сколько тебе лет? – не унимается Люс.

– Достаточно, чтобы устать. Не могу сказать больше.

– Сто семнадцать? Двести семнадцать? Тысячу?! – сам не замечая, он хватается девушку за плечи и начинает трясти.

– Оставьте ее, – Пьер уводит Люса в сторону. – Я нашел Луизу у Сены. Она стояла под мостом с камнем в руках. Не хочу представлять, что она собиралась сделать. Первое время все твердила про переправу, искала какого-то лодочника. Просила, чтобы отвез обратно... Не беспокойте ее.

В безумие Луизы не верится: это было бы слишком просто.

– Позвольте, – Люс отстраняет портного и снова подходит к Луизе.

Достает из-за пазухи брошь, припрятанную Хаимом за гравюрой Дюрера. Нет, не брошь. Хаим сделал ему неоценимый подарок. Руки дрожат, когда Люс переворачивает фибулу и читает драгоценное имя. В свете фонаря вспыхивают звезды изумрудов.

Сколько раз клял себя, что позволил Эмер уйти и не спросил о фибуле. Сейчас она снова с ним – ниточка к прошлому, которого уже нет. Люс беспомощно оглядывается, будто влажные стены и напуганные люди могут дать подсказку. Собирается с силами. Он хотел бы оставить фибулу себе, но какой в этом смысл? Пусть достанется нуждающемуся.

– Она твоя, – Люс вкладывает украшение в руку Луизы, закрывает ее пальцы.

Глаза девушки блестят, в них дрожит отражение чего-то знакомого.

– О, благодарю вас! Как вы узнали?

«Что узнал?» – он не понимает. Но додумать мысль не успевает. В каменоломню спускается Шарль.

– С господином Этьеном беда, нужна помощь!

Парень бросает быстрый взгляд на Луизу, на Люса, у него на языке вертится вопрос, но он проглатывает его вместе с обидой.

Покинув дом алхимика, они пробираются по неузнаваемым улицам. Вроде бы поднимаются, выбираясь из подвала, а по всему выходит, что спустились в царство мертвых. Им вслед смотрят трупы с остекленевшими глазами.

К дому старшего писаря друзья добираются слишком поздно. Дом разграблен, хозяин мертв. Синяки, раны. Что ж, господин Этьен сделал свой выбор.

Монеты оттягивают карман. Хочется выбросить их в Сену, все до единой. Возможно, именно так он спасет людей – отказавшись от своей странной миссии. Возможно, он и не помог никому, отдав монету. «Нельзя», – вздыхает над ухом чей-то уставший голос. В душном, вспотевшем от жары и страха доме, где все ставни наглухо закрыты, веет застоявшейся водой.

Люс оборачивается.

Ничего не поменялось. Шарль все так же сидит над телом писаря. – Он был мне как отец.

Пытаясь утешить юношу, Люс неуклюже приобнимает его за плечи.

– Крепитесь, Шарль. Ночь еще не закончилась. И мне надо успеть раздать монеты.

Юноша будто бы и не слышит Люса, но быстро спохватывается: – Те самые монеты?!

Да, те самые. Слезы высыхают. Шарль с жадным любопытством рассматривает россыпь медяков. Переворачивает, читает. Выясняется, он знает всех горожан, кому предназначены монеты.

И они снова бегут по улицам, лавируя между жертвами и преследователями, не различая ни тех, ни других. Гугеноты в меньшинстве, но и они владеют холодным и прочим оружием: белые кресты теперь тоже замараны кровью и грязью сточных канав.

Шарль направляет Люса от дома к дому. В эту ночь никто никому не доверяет. Один господин едва не ранит Люса, защищаясь от несуществующей опасности, а юная мадемуазель пытается всадить в горло нож, воспользовавшись растерянностью Шарля.

Пятеро найдены. Осталось две монеты. Юноша пересчитывает имена и упрямится:

– Это католики!

– Они тоже люди.

– Которые уничтожат спасенных! – и Шарль оглядывается на двух зрелых мужчин, по виду ремесленников, хорошо одетую мадемуазель, растерявшуюся без слуг и кареты, и пожилую пару, хозяев таверны. Хмурые «спасенные» идут за Люсом только потому, что идти им больше некуда.

Все возможно, думает он. Но две оставшиеся маленькие монеты тянут к земле тяжким бременем.

– Я должен, – отрезает Люс.

Шарль наконец сдается и приводит к дому в глубине Латинского квартала.

Старик и его юная дочь, поддерживая друг друга, в спешке закрывают двери. Им-то зачем бежать? Но вскоре становится ясно: дома рядом разгромлены, двери болтаются на петлях, в соседнем окне безвольно повисло тело. Кто-то так и не успел уйти от расправы.

– Я снимал у них комнату, – еле слышно шепчет Шарль.

Старик и девушка сразу же берут монеты. Им повезло: уйдут вместе.

В каменоломни друзья спускаются через аббатство Ключни. Шарль ведет по развилкам, уверенно выбирая направление. Они не говорят. Из звуков – лишь тяжелое дыхание и стук каблуков по камню. Короткая остановка. Люс предлагает воду из фляги. Подопечные жадно пьют, поглядывая на незнакомцев-попутчиков. И дорога продолжается: странная молчаливая дорога в никуда.

Кажется, скитаниям под землей не будет конца. Но очередной поворот выводит их в тоннель, из его дальнего конца пробивается им навстречу солнечный свет.

Ночь закончилась, думает Люс.

Но только не для него.

9.

Пошатываясь, Люс идет по улицам. Наверное, домой. Хоть он и не уверен, что дом уцелел.

Солнце стоит высоко над горизонтом и прекрасно освещает место казни доброй половины парижан.

Краем глаза Люс замечает: вооруженных чем попало людей, которые жаждут отрезать голову тем, у кого она еще есть, гораздо меньше. Палачам, выходит, тоже нужно спать. Зато трупов, подпирающих частоколом стены домов, все больше.

У отеля де Бетизи, на той площади, где люди де Гиза и оскорбленное самолюбие их хозяина зачали эту отвратительную ночь, глашатай, косясь на раздухаренную толпу, распинается:

– Именем короля! Прекратить драку!

Драка... Люс усмехается. Они называют братоубийственную резню дракой.

Мол, так и так, продолжает глашатай, его величество Карл IX издал постановление о прекращении репрессий гугенотов! Всему виной решение герцога де Гиза отомстить за смерть отца, убитого Колиньи. Дело сделано. Поэтому разойдитесь, пожалуйста.

Толпа, ясное дело, не расходится. Они только вошли во вкус.

Мечь, думает Люс, продолжая свой путь через улицы, которые перестал узнавать, это лицевая сторона монеты – та, с головой Медузы и с клубком змей вместо волос. Ее всегда видят первой, по ней судят. А на оборотной стороне написано твое имя. Там и разворачивается война.

Свыкшись с мыслью, что проживет остатки дней на паперти Нотр-Дам-де-Пари, Люс неожиданно находит свое пристанище на том месте, где его оставил. Дверь проломили, окна выбили – это поправимо. Разграбили сундук с нарядным тряпьем – он переживет. А вот до тайника не добрались.

Люс забивает поперек пролома в двери доску – и хватит на этом благоустройства. Он находит кувшин воды и долго моет лицо и руки над тазом.

Монеты розданы. В карманах пусто и на душе тоже. Он так долго искал фибулу и, надо же, нашел ее именно в эту страшную ночь. А еще нашел Луизу. И потерял обеих. Отражение чего-то неуловимо знакомого в ее глазах. И эти слова: «Как вы узнали?».

Что он узнал? Что?

Садится на кровать – спать не хочется, он просто не может стоять. Саднят руки и ноги, голова идет кругом. Наверное, его все-таки зацепили в уличных драках. Пара порезов – пустяки. Перед внутренним взором крутятся вопросы...

Он приходит в себя с большой головой. И с ответом.

«Как вы узнали?» – спрашивала растроганная Луиза, потому что фибула принадлежала ей! Семнадцать лет. Больше, меньше... Возможно, девушке передала фибулу мать. Или подарил мужчина. Или она нашла украшение в каменоломнях. Сбережений белошвейки не хватило, чтобы откупиться от лодочника, и Луиза заложила фибулу. А Хаим ее вернул. Все сделали, что могли. Отыграли в пьесе свои роли. А он – нет. У него были неотложные дела. Он куда-то бежал.

Когда Люс с Шарлем вернулись к дому гугенота-алхимика и спустились в каменоломню, никого не нашли. Ни Луизы, ни портного с остальными белошвейками. Хозяин уверил, что те не поднимались. Конечно, они с юношей наведались и в мастерскую на улицу Суконную. Побродили по разоренным комнатам. Туда никто не возвращался.

«Что теперь? – думает Люс. – Что теперь?»

За окнами шумит улица. Луна рисует дорожку на давно не мытом полу. На столе хищный силуэт незажженного фонаря – будто ворон прилетел в гости.

Эта ночь будет не лучше.

10.

Резня утихает лишь к третьему дню.

Король меняет взгляд на происходящие события. Так и так, говорит глашатай, его величество Карл IX издал еще одно постановление и приказывает немедленно прекратить репрессии гугенотов! Все шло, как и запланировано. Власть раскрыла заговор против короны и наказала зачинщиков. Поэтому разойдитесь, пожалуйста.

Толпа не расходится. И тогда в город выводят королевские войска. Это наконец действует.

Люс ходит на службу – теми же улицами, что и смерть. Он теперь сортирует не бумаги, а тела несчастных, которые чуть-чуть не добежали до королевской канцелярии. Кладбище Невинных кажется прихожей Айдова царства. Стоны и крики... Кого этим удивить? Вода в Сене приобретает насыщенный карминный цвет.

И все же в канцелярии есть посетители. Вернее, завсегдатаи. Господин Филипп пересиживал здесь две ночи – буквально в королевской сокровищнице. Оттуда, как он справедливо рассудил, его не достанут католики. На полу предусмотрительно постелен матрас, на узком столе – фонарь. И да, государственный секретарь по-прежнему в курсе дел.

Гугенотов истребляют по всей Франции. И попутно сводят счёты с врагами любого вероисповедания. Погибло пять, нет, семь, а может, и десять тысяч. Судя по тому, что Люс видит на улицах, господин Филипп скромничает в подсчетах. Карлу IX шлют обвинительные письма – Англия и Германия категорически осуждают кровопролитие.

– А люди, сами люди как обезумели! – добавляет секретарь, ловко скатывая матрас. – Вы слышали про мадемуазель Иверни, племянницу кардинала Бриссона? Она переделалась монахиней, но не отыскала монашьяй обуви. Так ее выволокли на улицу и казнили как гугенотку. Девуцу Руайан вы, конечно, не знаете. Так вот, она выдала католикам тайную спальню за шкафом, где укрылись гугеноты – дядя и бывший возлюбленный. Вот послушайте, католик Везен вывез из Парижа своего личного врага гугенота Ренье и проводил до его замка в Керси. А это двести лье! Двести лье враги ехали в одной карете и молчали!..

Господин Филипп прерывает себя на полуслове и вдруг говорит:

– Я знаю, Этьен Руфье погиб.

– Да, – говорит Люс, – не захотел бежать и прятаться.

– Думаю, он устал, – секретарь цепко держит Люса взглядом. – Монета сделала свое дело. Это опасно, не так ли? Но я бы попробовал.

Вот оно, время возвращать долги.

– У меня нет власти над монетами. Они сами решают, кого выбрать.

– Но вы же знаете, кого просить?

– Хотел бы, но нет.

Господин Филипп ему не верит. Кажется, Люс скоро останется без крова.

– Грядут нелегкие времена, Люс. Наваррский не забудет убийства своих людей, но и не пойдет прямой войной. Он как-никак муж

католички. И сын протестантки. Все будет меняться слишком быстро. Я хочу сбежать!

– Вам бы следовало сделать это раньше, – сухо отвечает Люс, понимая, что придется прощаться и со службой.

Секретарь поджимает губы. Отворачивается и, оставляя фонарь и матрас, выходит из сокровищницы. Люс идет следом.

– Жаль, – говорит господин Филипп, не оглядываясь. – Я верил в вас. М-да...

– Завтра я уеду.

От неожиданности секретарь оборачивается. Его вид красноречиво говорит: «Неужели одна маленькая сделка не стоит всего, что я дал?!».

– Благодарю за доверие, – Люс делает легкий поклон. – Что угодно для вас, только не это.

«Каков глупец!» – кричит все существо секретаря, но вслух он говорит:

– А если я попрошу вас заехать в Ла-Рошель? И кое-что передать одному господину?

Что ж, он может только согласиться.

Господин Филипп лезет в карман и достает увесистое письмо. Наверное, трудился все три дня, пока прятался от резни. Имени адресата нет. Секретарь еле слышно произносит его вслух. Люс не удивлен. Эта встреча должна была состояться.

– Сейчас рано. Все, что там есть, пригодится ему позже, – говорит господин Филипп с необычной для него заботой в голосе.

Люс возвращается в дом, но не домой. По военной привычке собирается быстро. Делит тайник с драгоценностями на две части. Меньшую оставляет себе – он уже не воспользуется ими по назначению. Потратит на хлеб, воду и самую простую одежду через сто или двести лет. Остальное сгребает на скатерть, связывает в узел. Все прячет в заплечный мешок.

Шарля он находит в Латинском квартале недалеко от дома, где они выбрали девушку и старика. Юноша занимается тем же, что и остальной город, – готовит подношение для кладбища Невинных, которое и так задобрено через край.

– Выслушайте меня, Шарль, – говорит Люс, увлекая его в разоренный дом подальше от людских глаз. – Хотя сейчас вы вряд ли

услышите. Вы не католик и даже не гугенот. Вы свободный человек. Вспомните это, когда придет время.

Не дожидаясь вопросов, на которые у него все равно нет ответа, он вручает Шарлю сверток:

– Это на учебу. Не бросайте ни в коем случае.

Уже знакомой дорогой пробирается в каменоломни. И проходя несколько разветвлений, прячет заплечный мешок в нишу, надежно заваливает камнями. Оставляет метку – рисует голову Медузы. Что этим туннелям сделается? Со времен Рима стоят.

Приближаясь к воротам, Люс думает, что надо бы прицениться к лошади. Путь до Ла-Рошели неблизкий.

Мысли падают под ноги, как ослепшие птицы, и мешают идти.

Генрих Наваррский, запертый вместе с принцем Конде в Лувре в ночь на праздник Святого Варфоломея, наблюдавший из зарешеченного окна, как убивают его людей во дворе королевской резиденции, – каким он станет королем? И осмелится ли вообще править? Будет спасать свою веру или людей? Отдастся мести или выберет хитрость? И что из этого будет правильно, а что правдой?

Смогут ли гугеноты простить католикам Варфоломеевскую ночь? Смогут ли католики простить гугенотам разоренные храмы и поруганные святыни? Где та грань, за которой для всех вероисповеданий ответ один: извивающийся на костре живой человек.

Что в том письме, которое Люс согласился везти в Ла-Рошель? Сколько витков взаимной ненависти оно накрутит на себя?

Победить в войне невозможно. Разве что ее не начинать.

«Когда делом чести станет просто жить? Без всяких высоких идей?» – все повторяет и повторяет он про себя.

И эхо от слов писаря разносится по мостам и башням израненного города: «Никогда. Это слишком сложно».

